

ЛОЛЛИЙ ЛЬВОВ

СТРАНСТВИЯ

1938—1957

МЮНХЕН

1958

ЛОЛЛИЙ ЛЬВОВ

СТРАНСТВИЯ

1938—1957

МЮНХЕН

1958

Обложка работы художника
Александра Серебрякова
Париж (1938).

Напечатано в количестве 100 экземпляров.
В продажу не поступает.

У СЕВЕРНОГО МОРЯ

**Что это? Призрак реющий свобод
Зовет меня покинуть материк
И в буйной прихоти разгульных вод
Все манит в даль, твердит:
— Зачем затих?
К чему тебе неожиданный сей покой?
Ты слышишь ли? — протяжный ветра крик
Зовет тебя в скитанья за собой...
Оставь приют убогих рыбаков
И сети мирной ловли позабудь:
Не для тебя покой и утлый кров —
На дне морском отрадней отдохнуть,
Отрадней там лежать средь бездны вод,
Чем здесь, в земле, когда последний вздох,
Вдруг разорвав размеренность стихов,
Окончит нескончаемый твой путь!**

Близ Вильгельмсгафена (Германия)
Август, 1950

*ПОСЛЕДНИЙ ПАРИЖСКИЙ КОНЦЕРТ
РАХМАНИНОВА*

Да, стоит жить, когда так лес шумит
Таинственно и трепетно и властно,
Промчались эти годы не напрасно,
Раз песня и теперь еще звучит.
С улыбкою, задумчивый и строгий,
Ты смотришь вдаль — в мечты края,
Забудь, забудь наш жребий, путь жестокий,
Да царствует одна мечта твоя!
Умчись же к небу Апассионаты,
Не утрапись и бездны! Данте... Ад...
Франческо и Паоло... И сонаты
Сверкает нам алмазный водопад!
Ты слышишь громов гнев и рокот.
Пронесется зарницы... Молний взлет...
Смири, смири унынья гулкий ропот,
И вот он — легкой нежности полет!
А в миг иной — в раздумьи светел, чист,
Летучего Голландца слышишь ритмы,
И песня вечной прялки — Вагнер-Лист
Звенит в затишье после долгой битвы.

Париж.
1939.

НА ДЯГИЛЕВСКОЙ ВЫСТАВКЕ В ЛУВРЕ

Перед занавесом Пикассо для балета «Парад»

Крылатый конь... и лестница до неба!
Ребенок — Ангел с трепетной мечтой.
Пегас недвижим... Аполлона-Феба
Тот Ангел манит бледною рукой.
Пируйте-же, Пьерро и Коломбина,
И из бокалов лейте пьяное вино,
За здоровье, во славу Арлекина
Кипит, шумит, безумствует оно!
Матрос!.. Испанец с вечною гитарой,
Ты слышишь пенье звонких струн?
О, Дягилев, каскадом — Ниагаррой
Твой путь шумел под сенью стольких лун!
Позвал Сати и дерзкого Пикассо,
И вот гремит теперь мечты парад —
Под громы барабанов, рокот контрабаса
Склонился негр и шепчет: «как я рад...»
И только небо синее, на призрачном баллоне,
И звезды дремлют там в углу,
Да мирный пес о бешеном циклоне
Не слышит — спит: он глух к добру и злу...

.....
Но я один здесь... И тускнеют дали...
Ах, этот шумный, праздничный парад!
Нет, — не развеет он моей печали,
Грустя, пусть тщетно всё твержу:
— «Я рад...»

Париж.
Май 1939.

НА СМЕРТЬ БОРИСА ГРИГОРЬЕВА

**И стихло небо. Звезды стали.
Твой стон последний отлетел.
Они в безмолвии взирали
На жизни горестный предел,
С холста безумца-чужестранца,
За скудной трапезой юнцы —
Семья каких-то итальянцев —
Та мать и смуглые птенцы...
Всю жизнь ты был бесстрашен, дерзок,
Сверкал мятежный карандаш,
Сжигал ты жизнь, и жизни слепок,
Ты грезил — вечности предашь.
И вот они в оцепененьи,
Недвижен ты, — вокруг всё прах!
Цветы твои, и те в смятеньи:
Прошел в стенах здесь смертный страх...
Осенних дней поникли астры,
В тоске весенних дней герань —
В иные дни мятеж твой часто
Им приносил в искусстве дань...
Прости, прости! Мы вместе плачем,
Твой друг-жена и юный сын,
Ах, я свидетель незадачный,
Вошел с мечтой, как пилигримм,
И утро бледное в бессильи
Простерло саван над тобой —
Недвижной маскою застыли
Черты твои... Немой, немой!**

Cagnes sur Mer (Франция)

8 февраля 1939

ЧИТАЯ КИТАЙСКИХ ПОЭТОВ
ПРИГЛАШЕНИЕ

**Здесь один я... Живу беззаботней весны.
Дни и ночи витают в стихах моих сны.
Приходите-ж! Мой дом здесь в затишьи. Смелее!
Вы пройдете по темной, тенистой аллее
Там, где стелется осени листьев ковер...
Запустенье? Унынье? Печален мой взор?
Но, быть может, для вашей забавы на счастье
С моря чаек крылатых пригонит ненастье.
Вы мне скажете: «вздор», и что скучен обед...
Да, он прост, но и дешёв, сокровищ здесь нет,
Но поверьте мне: сладостей целые горы
Нам сулят и за скудной едой разговоры...
Приходите-ж! Я жду вас... Спускайтесь ко мне,
Днем-ли, ночью-ль и в явь иль во сне,
И давайте скорее душистый в похмелье
Выпьем крепкий напиток во славу безделья!**

Париж, 1938.

ЧИТАЯ МЕРИКЕ († 1875)

Denk'es, o Seele...

Елочка где зеленеет,
знает ли кто? — там в лесу,
В розах весь куст розовеет,
Скажешь ты: в том же саду...
И над могилою оба —
Помни, душа, и смирись! —
Для изголовия гроба
Там твоего вознеслись.

Две вороные лошадки
Здесь на лужайке пасутся —
В город, резвясь, без оглядки
К стоилу мигом вернутся.
Медленным шагом, уставши,
После мой гроб повезут
Раньше, быть может, о раньше,
Чем их подковы спадут
Те, что сверкнули сегодня
В беге звеня предо мной!

Париж.
1939.

ОСЕНЬ В ПАРКЕ СЭН КЛУ

1.

Да, здравствуй осень! Как чудесно в парке
Среди деревьев, знавших солнца ласку,
Узнавших ветров бури в непогоду!
Их листья — золото и бронза. И ветвей,
Раскинутых и в ширь, и в высь, узор,
Трава, припавшая к земле в истоме, —
Все, все вокруг подернуто туманом.

Туман редееет. Скоро покрывало
Его спадет, и улыбнется снова,
Быть может, утро нам с былым приветом.
И птицы редкие со мной... Щебечут:
Все вспоминают песню той весны...
И белка средь опавших мертвых листьев
Уж распушила свой чудесный хвост.

2.

Здесь над каскадами замолкших вод
Нас полным кругом обступили боги:
Юнона и Церера, сам Зевес,
Нептун косматый, как всегда с трезубцем,
А на колоннах львы с поднятой лапой
Над каменным шаром или змеей...
Все сторожат они наш день осенний.
В фонтанах золото и серебро:
Блестящая там рыб игра... Диана
С ланью робкой и Тезей...

Задумчиво стоят в осенний вечер,
Чуть позлащенные заката солнцем.
А утром все туманы здесь толпились,
Богов скрывая лица пеленою.
И я смотрю опять на эту группу
И вижу: он-она, то брат-сестра
Или влюбленная чета, ступают
Замедленно, страшась нарушить строй
И ритм царящей в парке тишины.
Остановилась жизнь... И даже грусть
Моя меня уж не уносит в даль!

3.

И ты пришел опять, затихший, первый
Ноябрьский день — день всех святых.
Садов осенних пышный цвет последний,
Могилам незабытым дань живущих
Еще людей — венки и хризантемы,
Над гробовой плитой поклон смятенный,
Смятенных чувств и дум земной привет.
Вчера всю ночь томила буря. Ветер
Осенний плакал и сулил невзгоды.
Там, в море, безнадежно погибали
Те, кто застигнут был неожиданным штормом,
А здесь, под крышей, под защитой стен,
Мой друг, вздохнув, в последний раз простился
С неверной и обманчивой землей.
Сегодня там он, в небе — там, далеко,
Над звездами, у Бога, в царстве мысли
Чистейшей, непорочной... Неустанно
Взирает на меня он всякий час,

Все дни и ночи с тихим сожаленьем
О жребии, что выпал нам на долю
Здесь на заманчивых путях земли...

4.

Далекий с неба звон зовет к раздумью.
На небесах сиянье синевы
Вдруг разорвало пелену туманов,
И птиц услышали мы перекличку —
Напоминание о былой весне,
О лете, что промчалось, зеленея,
Как вихрь — о молодых, былых годах.
Повремени! И встрепенулся ветер,
И всколыхнул воспоминаний тени,
И листьев закружился хоровод
Здесь вокруг фонтанов, засиявших снова.
То жизни плеск, мечты очарованье —
Забудь, забудь... — ведь листья те мертвы!
Далекий тихий замер звон. Молитву
Мы повторили, вспомнив все, что было,
И отдыха довольно! В путь-дорогу дальше!
Вновь путь пред нами здесь открыт и прям.
Не медли! На последнем перевале,
Как прежде, мы пойдем без колебаний,
Не устрашаясь, вдаль все за мечтой вперед.

5.

Коварна и изменчива ты, осень!
Бесцветною, мятежной пеленой
Объято небо все... Несутся
Чредою облака, как стадо

**Слепых и обреченных смерти птиц.
Просвета уж не ждем. Под темным небом
Во власти мы ветров — угрюмой непогоды.
Закрой глаза! и пожелай расстаться
С землей, повитой саваном печали!
Жалеть ли будешь ты, что здесь оставил
Богатство — груды облетевших листьев,
Воспоминаний давних легкий груз,
Воспоминаний милых аромат?**

Париж.

Октябрь-ноябрь 1940.

ЭПИЛОГ

**...Цветы мне зимние волшебю
Всё шепчут здесь: «Не изменяйся, нет!
«Пусть и хрусталь... Мы-ж не увяли,
«Хотя и срезаны чужой рукой,
«Благословив судьбу, сказали,
«Что в поздний час останемся с тобой,
«И просверкнет тебе воспоминанье
«О милом взоре на земном пути,
«И радостно уйдешь ты на свиданье
«Не здесь, так там, откуда не уйти!»**

Штарнбергское озеро,
16 декабря 1956.

ПАРИЖ — НАГРУЖЕННЫЙ КОРАБЛЬ

Из Шарля Пэги († 1914)

Не одна — две мачты... Наш корабль у Сены.
Пурпур, золото... здесь мирра и корица...
Праведность души вся... Злаки, рожь, пшеница...
Унижение, гордость, груз простой вервены...

Наш корабль грузили предки неизменно
Все тысячелетья, чтоб ему носиться
По волнам на веслах, на борты крениться
С полным трюмом груза, с грузом полноценным.

Мы-ж несем сурово только сожаленья...
Полны чувства чести... Пламенеют лица...
Капитан прикажет: наши все моленья
Вверх взлетят на мачту, где хоругвь, как птица.

Оснащен корабль наш в времена Севэра,
Здесь у ног Небесной Матери Царицы...

Версаль. Август 1943.

ИЗ БУРГУНДСКИХ СОНЕТОВ

ФОНТАНУ В БЮССИ

Ты пережил века, источник чистой влаги
И в камни заключен веков иной рукой,
На перекрестке, здесь, струею ключевой
Твердишь ты путнику о жизни высшем благе.

Усталому вернешь ты мысли об отваге,
И торопливому промолвишь слово: «стой!»,
Гулящей же душе, беспечной и пустой,
Водой прозрачною напомнишь и о браге.

Но колокольня здесь взнеслася над тобою,
И звон с нее века не молкнет, Божий зов,
И птицы-голуби слетаются порою

К фонтану древнему под этот Божий кров,
И разлетаются, омывшись здесь, с благою
Святою вестью в даль — в чреде слепых веков.

ДЕВОЧКЕ С КОЗОЮ

Как куст цветущих роз, ты девочка! С козою
Гуляешь все в полях, загаром облита.
Златоволосая! Мне мнишься ты, мечта,
Видением надежд пред тению седой.

Подружку белую с трясучей бородой
Пасешь все дни в полях ты в летние утра,
Вечернею порой ведешь ее всегда
На длинном постромке уверенной рукою.

**Она кормилица, забота дней твоих!
От молока ее — твой маков цвет-румянец,
А козий белый сыр... Бургундец, итальянец**

**Не устоит пред ним — вслед, выпьет за троих!
Ты подсказала мне, пастушка, русский стих,
И вот сложил сонет тебя я, чужестранец.**

КОРШУНУ

**Перо твое вчера я, коршун, подобрал.
На белом поле кровь и ржавые следы!
Кружился долго ты... В полях цвели цветы —
Лишь жертву на земле, о, хищник, ты искал!**

**Трепеща крыльями, все дни не уставал,
Дивя видением свирепой красоты,
И солнцем позлащен, жестокости мечты
На жатву сеял — в воздухе стоял.**

**Перо упало вниз... Оно мое теперь.
Теперь орудием здесь станет для поэта.
Я очиню его и голубого цвета**

**Им строки начерчу... И мирен станет зверь,
Вняв благости в стихах поющего сонета:
Я грешник, для тебя — открою к Небу дверь!**

ТИШИНА

**Какая тишина! И тополя недвижны.
Трепещут листья чуть... Сверкает серебро.
Лазурь, лазурь вокруг! Здесь ястреба перо
Упавшее одно напомнит призрак тризны.**

**Но горе там, вдали... Покоя здесь отчизна!
И ласточек полет в полях здесь лишь добро
Сулит усталым нам. Забыли мы про зло,
Не шепчем больше слов ненужной укоризны.**

**Последнее прости твердит сентябрь. Природа
С улыбкой дарит нам закатный тихий час.
Воспоминания проносятся свободно,**

**Так мирно, может быть, уже в последний раз.
Мы в мыслях высоко... там... — в даях
 небосвода...
И крылья ласточек коснулись тихо нас.**

Bussy-en-Othe.
1943.

ПОДЪЕЗЖАЯ К ПСКОВУ...

**Позлащены поля, и тени елок
Не омрачат мне долгого пути,
На речке легкий лед и тих, и ломок —
Мой жребий — по нему свой путь пройти.**

**Я перейду по льдам, едва замерзшим,
Легко ступая, лаской окрылен,
Пройду с улыбкой, сердцем неумерший,
На хрупком льду расслышу легкий звон.**

**Так вот она, граница вожелений
И русской песни вдалеке полет,
Во власти я раздумья легких звений —
Меня та песня встретит, обоймет.**

**Восходит солнце, землю озарило
И золото лучей рассыпало кругом...
Ноябрь... Но солнце ласкою покрыло
Возврат мой поздний в древний, отчий дом.**

24 ноября 1943.

ПСКОВ

Под лаской зимних облаков,
Голубизны и перламутра,
Ты вновь предстал в блистаньи утра,
Древнейший город русский Псков!
И куполов сиянье глав,
И взлет высокой колокольни —
Как в праздник радостный престольный,
Вдруг мне сверкнули здесь, восстав...
Восстав как призрак вещей снов,
России древней крест-виденье,
И в путь-дорогу осененье,
Полет непозабываемых слов.
Тебе принес земной поклон,
Сын блудный твой, поэт и странник,
Пришел из стран чужих и дальних
Услышать благостный твой звон,
К потоку русских полных вод
Пришел, к реке твоей Великой,
К святой молитве в храме тихом —
Увидеть русский небосвод...
Стою у врат великих Царских,
Иконы дремлют в блеклых красках,
Стремится ввысь иконостас...
И мне сверкнул небесный луч,
И славлю Божию к нам милость,
Собора строгость, неподвижность —
Средь стольких бед и темных туч...

8 января 1944.

ВОЙНА

Третий русский сонет

**Всеочистительной грозы промчится-ль гром,
Всколеблет-ли весны витающие звенья,
Потоком вод с небес развеет-ли он тени,
Всевластия беды, томящей нас кругом,**

**Иль ожиданье то всего лишь праздный сон,
И не дождемся мы и в мае упоенья
Грозой, несущей жизнь, не смерть, не разрушенье,
Благословляющей наш тихий мирный дом?**

**Вот он несется, вихрь иной слепой судьбы,
Разящий все вокруг огонь, сулящий мрак,
Невнемлющий слезам, неслышащий мольбы.**

**Ему равно ничто — и человек, и злок,
Поэта лиры звук и черни похвальбы...
Вот он гремит... Падет ненужной смерти знак!**

**Режица, близ линии фронта
1944.**

ПАРИЖ

Забыть ли площадь мне у Сены,
Огней рассыпанных узор,
Парижских быстрых встреч измены,
Твой славы блеск, манящий взор?
Забыть ли набережных мне плиты
И отзвук их моим шагам,
Где пылию веков покрытый
Так неподвижен Нотр-Дам?

Париж, Париж! твои порталы
Дворцы и арки и мосты
Встречал в смятении я, бывало,
Лелея дерзкие мечты...
Твои сады, твои аллеи
И Елисейские поля,
Булонский лес твой зеленели,
Весной приветствуя меня.
Я лебедей твоих томленье
Любил встречать в прудах, их взлет,
На площадях ловить мгновенья,
Фонтанов легкий водомет,
Иль над потоком тихой Сены
Длить с Музой долгий разговор,
В смятении сердца петь поэмы,
Ведя с судьбою вечный спор...

Рига.

Сентябрь, 1944.

НАШ ЖРЕБИЙ

Из цикла «Святая Гавань»

**Здесь чаек белых крылья под ветрами
С утра кружатся, целый день,
Они летели вслед за парусами,
Когда гналась за ними смерти тень.**

**Изведав горечи и гибели дорогу,
Мы не забудем здесь родимый кров,
И на чужбине, не забывши Волгу,
Не позабудем и степных ветров...**

**Несут нам ветры песни про свободу,
В простор зовут нас легкий, голубой,
Но нам ли, нам избыть свою невзгоду
И возвратить утраченный покой?**

**В полях чужбины, здесь у моря,
Бежав от царства адова границ,
В зеленой дали развеем горе,
Внимая долгим крикам белых птиц.**

Голштиния.

22 мая 1945.

ЛЕБЕДЬ

Сонет

В осеннее ненастие июня
Как неприятно, холодно кругом!
Один лишь лебедь на пруду своем
Не дрогнет в медленном раздумьи.

Пусть непогода буйствует безумней, —
В расцвете лета, знает он, что гром
Не сокрушит зеленый водоем,
И грезит о небесной он лагуне.

И он плывет всё так же безразличен
Ко всем изменам безрассудных дней,
Внимая неумолчным песням птичьим,

И видит сон спокойней и светлей,
И в лебедином царственном величьи
Лишь белоснежнее с мечтой своей.

Иоганнисталь (Голштиния).
Июль, 1945.

ИЗ БРЕТОНСКОЙ РАПСОДИИ

Тристан Корбьер († 1874)

На перекрестке у распятия
Мычит там кто-то... человек?
Бормочет что-то об утрате:
Вот вытек глаз... почти ослеп...
То нищая поет, бродяга —
Всё перескажет за лиар:
Вот Магдалина с вестью блага...
Вот Вечный Жид... Вот Абельяр...
Поет, бормочет, задыхаясь,
Без перьев птица, без гнезда,
К кресту гранитному, скитаясь,
Дошла беда ее сюда.
Как звать ее? Она незванно
Пришла к нам в мир: то — нищета!
Пусть смерть настигнет невозбранно
В блужданиях где-то — не беда!
Поэт! Сестру свою ту встретив,
Ты из солдатского мешка
Возьми, подай, её приветив,
Щепотку в трубку табака.
Увидишь, как она с мольбою,
Всю боль в морщинах затая,
В проказе, темною рукою,
Крестя, благословит тебя...

Под Ганновером.
1946.

ТРОЙКА

**Ты слышишь: там бубенчики звенят?
То тройка мчится по дороге.
Встречать с улыбкой выйдешь наугад,
И встретишь счастье на пороге...
Ты дверь пред ним широко распахнешь,
Как в сказке, всколыхнется сердце,
И в радости ты счастьем поднесешь
Хлеб-соль, с узором полотенце!**

**Промчалась тройка мимо дома,
И колокольчик вдалеке,
А ты все с песней неуёмной
Идешь по миру налегке,
Под легкой ношею печали
Уж не замолкнешь на пути:
Пусть звоны тройки отзвучали,
Но не без песни же идти?**

Детмольд, 1947.

ДЕКАБРЬ 1947 ГОДА

1.

**Так вот он, со звездой далекий путь!
Декабрь осыпал тихим белым цветом —
И упадая снег твердит:**

«Забудь, забудь

**Про все цветы — давно сокрылось лето,
И верь волшебной лишь звезде своей,
Там, в снежной мгле, она сверкает.
Неистойой метели плен развей,
Звезда тебе одна в дали сияет,
И позабудь-забудь свою печаль,
Не растеряй свой ладан, мирру, злато,
Без страха шествуй со стихами в даль,
И не страшись в пути своем утраты,
Но если вдруг сразит жестокий рок,
И упадешь без сил на повороте,
Скажи с улыбкой всем, что вот не смог,
Противоборствовать лихой невзгоде.**

Плохинген (под Штуттгартом).

2.

**Ты к Неба светлому порогу
Меня призвал, благословив,
И посох мне вручил в дорогу,
Цветами лилий осенев.**

Коснулся ты чела устами,
И тронул вежды мне, светясь,
И тиховейными перстами
Меня твоя смирила власть.
Иду, но ветер, свирепея,
Несет жестокою мне весть —
Как беспощадно, лихо время,
Утрат погибельных не счесть!
Был тихий час... Вдруг крыльев взмахи —
Взметнулась стая мирных птиц...
Расправа ждет... Мое на плахе
Погибнет царство небылиц —
Ты видишь, я и смел, и стоек:
Всей правды пламенных поэм,
Всех поэтических построек
Не отдал я соблазну в плен...
Но если мрак навевает ветер,
Восстанут смерч и ураган,
О, в этот миг, в зловещий вечер,
Ко мне спустись, мой Ангел, сам,
Сними с меня всю тяжесть плена,
Земли, склонившись надо мной, —
Пусть на листы моей поэмы
Падет твой локон золотой!

Kirchheim-Teck,
28. 12. 1947.

ЗИМА

**Всё в нашей жизни чудеса,
Лишь с верой в чудо — счастье в жизни,
Цветут поля, шумят леса
Без жалобы, без укоризны,
И если здесь теперь невзгода
Так неотступно сторожит
Всё-ж верю: в жизни непогода
Мечты веселой не сразит...
Зима, зима! Чудесным снегом
Она засыпет поздний путь,
Последним царственным набегом
Заставит вечным сном заснуть,
Но в этот миг, я знаю, чудом
Вдруг беглый луч мне промелькнет,
И я поверю безрассудно
В мечты спасительный полет, —
И смолкну я под снегом белым,
Пусть снег кружится надо мной —
С улыбкой радостною смело
Засну под белой пеленой...**

Мюнхен.

Октябрь, 1953.

НАДПИСЬ НА МОГИЛЬНОМ КАМНЕ

СААДИ

**Остерегись! На этом камне
Святые не черти слова...
Пройдут года, прочтут едва
Ту надпись — след истлевший, давний,
И сколько раз в чреде мятежной
Любой прохожий оскорбит тот текст,
Толкнет, бродя могил окрест,
Он надпись ту ногой небрежно...
Но всё-же, если хочешь камень
Сплетеньем мудрых слов овить,
Есть, есть слова, чтоб сохранить
Воспоминаний тихий пламень:**

**«Как он любил весной деревья,
«Их легкий радостный наряд,
«Шумящий лес, оживший сад,
«Весны зеленой дуновенья!
«Присядь-же, спутник, у могилы,
«Смотри вокруг — усталый взор
«Твой отдохнет... И трав узор
«Тебя овеет легкокрылый!
«Мечты поэта и забавы
«Благословил и сам Аллах —
«И вот недвижимый, легкий прах
Произрастил те травы...»**

Париж, 1940.

ВСПОМИНАЯ О РИМЕ

В фонтанах взлет закованной стихии,
И Тибр, скучающий меж шумных берегов...
Века сменялись — добрые, лихие —
Гнетущих и раскованных оков.
Здесь мученичество свой крест воздвигло,
Гудела буйно в Колизее чернь,
И кровь была, и пиршества... — всё было,
Но вознеслась благой хоругви сень!
До смерти не забыть, о Рим, мне плена,
Завещанной тобою всем векам мечты —
На самом склоне лет не омрачит измена
Мой путь в цепях житейской суеты.
Есть грозный лик... *In Vincoli... San Pietro...*
Где гул цепей доньше не затих,
И взор пророка в молниях, под ветром
Гудящим — в буре творчества возник.
Он грозен, этот лик, и неотступно
К нему пришедшего в скитаньях сторожит —
Что-ж, пусть турист, рассеянный, беспутный
Веления его не различит!
Но вечности кара и упоенье
Неразлучимы с Римом никогда,
Здесь Микельанджело, томясь, в смятении
Узрел виденье Страшного суда!

Штарнбергское озеро.

10 ноября 1957.

ИЗ ВЕНГЕРСКОЙ СЮИТЫ

1.

**Вы мнили, что величие свободы
Подавите убийственным расстрелом,
Когда в сердцах все эти годы
Она жила, таясь — не онемела...
Скрежущущим и тяжким танкам
Не перейти границ венгерской воли,
Не заглушить сердец порыва боле
Украденным из мирной жизни знакам...
Ваш серп и молот? Миротворцев призрак,
Для всех, кто честен — знак обмана,
Всем орден палачей презренный низок,
Лишь вам одним потребен... Неустанно
Твердят рабы: «о, горе побежденным!»
Побеждены? О, нет — все дальше зная
Несется ввысь над краем угнетенным:
Не победить, когда в сердцах лишь пламя,
Не победить порыв восставшей мысли,
Разоблачившей мишуру и лживость
Игры воров в подделке вечных чисел...
Разите же! Но с нами Божья милость...**

2.

**Хотите жизнь? Возьмите — вот она!
Но палачам не расстрелять свободы.
Осталась вера с нами лишь одна?
Давно она горит в сердцах — все годы!**

**Палачество и ложь — вот ваш удел...
Разите же скорей, во имя Маркса,
В семнадцатом и Ленин ваш посмел
Убийство утвердить, как правду, в массах!**

**Мы нашу веру пронесем чрез мир,
Не все погибнем в ваших гекатомбах:
Торжествовал победы ветхий Рим
И христиане были в катакомбах...**

3.

**Они идут, как шли и мы когда-то,
Оставив позади свой разоренный дом,
Все бросили и верили в собрата:
Угроза та же всем: Гоморра и Содом!**

**И солнце меркнет грозно в небосводе,
Невзгодой потрясен жестокий мир —
Одни проклятья, стоны, клич к свободе
Несутся от пылающих руин!**

**«Советы»... танки... Скрежет и стenanье,
И призраки раскиданных гробов...
Земля объята пламенем восстанья:
Огонь в сердцах героев — не рабов!**

**Мюнхен-Гармиш.
Ноябрь 1956.**

NOTA

«Вспоминая о Риме...»

В базилике «Сан Пьетро ин Винколи» — Святого Петра в цепях — сохранились цепи, в которые был закован апостол Петр. Там же и «Моисей» Микельанджело. «Страшный суд» его же в Сикстинской капелле, в Ватикане.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

«Венок» (Стихи 1937 — 1938 гг.). Париж.

«Отъезд в Венецуэлу» (поэма). 1939. Париж.

«Флоренция» (1956 — 1957). Мюнхен.

